

Когда ужин закончился, было уже почти девять вечера.

Сян Бэй решил, что завтра сперва посмотрит двор младшего брата тёти, поэтому не стал отправлять дядю к деревенскому старосте за телефоном владельца горнолыжного комплекса.

Он помог бабушке и тёте убрать со стола и вымыть посуду, а потом тихо вошёл в западную комнату.

Мэн Нань крепко спал. Видимо, на лежанке было слишком жарко: одеяло он полностью скинул, свернул комом и теперь крепко обнимал его.

Трещотка за эти два дня тоже измучился. Он спал без задних ног в своём уголке и с самого дня не издал ни звука — тихий, будто ненастоящая птица.

Сян Бэй уже хотел осторожно вытащить одеяло из рук Мэн Наня и забраться под него, как за дверью раздался приглушённый голос бабушки:

— Сяобэй, выйди на минутку.

Он вышел и увидел, что бабушка одна сидит на диване в гостиной. Она поманила его рукой и похлопала по месту рядом.

В тёплом жёлтом свете лампы её лицо казалось особенно мягким, но выражение было серьёзным — отшутиться не получится.

Сян Бэй сел рядом:

— Что такое, бабушка? Уже поздно. Ты чего не спишь?

Бабушка не стала ходить вокруг да около. Её глаза, будто прожекторы, внимательно осмотрели его с ног до головы.

— Сяобэй, скажи бабушке честно. Вы с этим Мэн Нанем... ведь не просто друзья? Встречаетесь, да?

У Сян Бэя внутри всё ухнуло, ладони вспотели. Он изо всех сил попытался сделать вид, что ничего не понимает.

— Бабушка, ты о чём? Какие ещё отношения... Мы хорошие друзья, с детства вместе! Тебе показалось...

Бабушка покосилась на него и фыркнула с таким видом, будто хотела сказать: «Я соли съела больше, чем ты риса».

— Ещё меня дурить вздумал? Не прячься. Я всё видела. Думаешь, у твоей бабушки глаза от старости уже ничего не различают?

— А... что ты видела? — Сян Бэй нервничал, но продолжал упрямиться.

В голосе бабушки появились и насмешка, и полная уверенность:

— Днём вы в западной комнате спали, а я через окно со двора увидела! Ох, как же вы прижимались друг к другу — прямо парочка уточек-неразлучников! А ты, бесстыжий, всё глубже к нему под бок лез, тепла искал. Не стыдно?

Сян Бэй вмиг покраснел до самой шеи, даже кончики ушей горели. Он тут же попытался остановить её:

— Ой, бабушка родная! Всё-всё, хватит! Пожалуйста, больше не говори... Я понял, что ты видела. Увидела и увидела, не надо... не надо описывать так подробно!

Ему хотелось прямо на месте вырыть яму и закопаться.

Бабушка посмотрела на его мучения, вздохнула, смягчилась и взяла внука за руку.

— Парень этот... По мне, честный. Видный, взгляд открытый, а как он к тебе относится — и говорить нечего.

Она ласково похлопала Сян Бэя по ладони.

— Человек бросил хорошие перспективы в Пекине и без лишних слов поехал за тобой в нашу горную глушь. Такое отношение дорогого стоит. Уже по одному этому видно: парень надёжный, на него можно опереться.

У Сян Бэя потеплело на сердце. Он украдкой следил за выражением бабушки и осторожно спросил:

— Значит... ты... не против?

Бабушка нарочно сердито ткнула его пальцем в лоб:

— А если против, толк будет? Упрямец ты мелкий! С детства такой: уж если что решил, восемь

лошадей не оттащат. Пойдёшь до конца, хоть сердце, печень и лёгкие человеку отдай!
Думаешь, я тебя не знаю?

— А днём ты с ним почти не разговаривала и лицо такое делала... — Теперь Сян Бэй всё понял и тихо заступился за Мэн Наня.

Бабушка тут же шлёпнула его по спине — не больно, но звонко.

— А что, мне и рассердиться нельзя?

Она возмущённо продолжила:

— Такого хорошего, такого красивого внука больше двадцати лет растила, а теперь какой-то неизвестно откуда взявшийся поросёнок вот-вот утащит... Ой, нет. Такой красивый молодой человек возьмёт и целиком заберёт!

Бабушка тяжело вздохнула:

— На душе пусто стало. Я что, не могу немного повредничать? Сам подумай: здоровый мужик, а выходит, будто «замуж» тебя отдаю. Мне от этого должно быть легко?

Сян Бэй сразу возмутился и вытянул шею:

— С чего это я «замуж» выхожу? Это я его сюда утащил! Это он за меня выходит! У нас в семье ещё одним человеком больше стало!

Бабушка оглядела его сверху вниз с выражением «эх, и чему тебя только учили».

— Ты-то? С твоими тонкими ручками-ножками сможешь справиться с такой тушей? Ты на него посмотри: плечи какие, рост какой! Я только на вас двоих глянула и сразу поняла — ты точно тот, кто снизу... М-м-м!

Сян Бэй чуть не умер со стыда и мгновенно зажал бабушке рот. Лицо полыхало так, что на нём можно было лепёшки печь.

— Бабушка! Родная! Ты как вообще такое вслух говоришь?! Такое... такое можно говорить?!

Она отдернула его руку и совершенно справедливо, но уже шёпотом заявила:

— Я почти семьдесят лет живу! Чего только не видела, чего мне ещё не понимать? Ты на него смотришь — глаза за ним так и бегают, мокрые, блестящие, словно у молодой жёнушки. Душу

он у тебя давно увёл, а ты ещё споришь!

Сян Бэй закрыл лицо обеими руками и уткнулся горячими щеками в ладони. Из щелей между пальцами донеслось жалобное:

— Прошу тебя, хватит... Оставь мне хоть немного достоинства...

Увидев, что внук уже почти дымится от смущения, бабушка наконец удовлетворённо рассмеялась и прекратила издеваться.

— Ладно-ладно, больше не дразню своего внучка.

Потом её голос стал серьёзнее:

— Живите хорошо — вот что главное. Заботьтесь друг о друге, берегите друг друга, не устраивайте глупых капризов.

Она посмотрела на Сян Бэя особенно тепло.

— После смерти твоих родителей я впервые вижу тебя таким счастливым и спокойным. Даже глаза снова светятся... Вот и хорошо.

У Сян Бэя внутри всё одновременно защемило и размякло. Он опустил руки; глаза слегка увлажнились.

Он обнял бабушку за талию и, как в детстве, когда искал у неё утешения, положил голову ей на плечо.

— Бабушка... спасибо. Не переживай. Мы обязательно будем жить хорошо, по-настоящему счастливо. Тебе за нас волноваться не придётся.

Бабушка с внуком ещё долго тихо разговаривали на диване. Все мелкие недомолвки и тревоги окончательно растаяли в этом тёплом разговоре.

Сян Бэй понял: бабушка не только сразу всё заметила своим зорким взглядом, но и приняла их отношения всей душой. Последний камень, висевший у него на сердце — страх, что самый близкий человек их не одобрит, — наконец упал.

Он подумал: раз уж такая «гора», как бабушка, дала согласие, с остальными родственниками она, их главная несокрушимая опора, как-нибудь сама разберётся.

Лёгкий, словно с плеч сняли огромный груз, он вернулся в западную комнату. Посмотрел на спокойно спящее лицо Мэн Наня, и сердце растаяло окончательно.

Сян Бэй осторожно вытащил одеяло, которое Мэн Нань обнимал, а затем, совсем как описывала бабушка, бесстыже нырнул в его тёплые крепкие объятия, устроился на самом привычном и спокойном месте и проспал самым сладким, крепким сном за долгое время.

<http://bllate.org/book/20311/2028156>